

УДК 821.112.2

UDC 821.112.2

**ЖЕНСКИЙ ГОЛОС КАК ГОЛОС ДРУГОГО:
ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ
МАРЛЕН ХАУСХОФЕР
«СТЕНА»**

**FEMALE VOICE AS THE VOICE
OF ANOTHER: SEARCH OF IDENTITY
IN THE NOVEL BY MARLENE HAUSHOFER
“DIE WAND”**

Д. К. Давыденко,
преподаватель кафедры зарубежной
литературы БГУ

D. Davydenko,
Teacher of the Department of Foreign
Literature, BSU

Поступила в редакцию 14.07.20.

Received on 14.07.20.

В статье анализируется экзистенциальный роман австрийской писательницы Марлен Хаусхофер «Стена», исследуется раскрытие в нем различных граней другости человеческого бытия с точки зрения концепции гиноцентризма. В качестве основы данной концепции рассматривается работа Симоны де Бовуар «Второй пол». В соответствии с описанной С. де Бовуар теорией, вычленяются четыре этапа принятия ответственности, необходимые для обретения человеком своей идентичности – эти этапы проходит и героиня романа «Стена». В результате стало возможным раскрыть женскую робинзонаду-(анти)утопию с точки зрения онтологии, и, тем самым, утвердить общечеловеческую проблематику произведения, написанного женщиной. Утверждается, что «Стена» Марлен Хаусхофер не только отражает попытку становления бытия в условиях полной изоляции от социума, но и показывает кризисное состояние отношения Я-Другой в послевоенном мире.

Ключевые слова: гиноцентрическая литература, Другой, поиск идентичности, экзистенциальный роман.

The article analyzes existential novel by Austrian writer Marlene Haushofer “Die Wand”, studies revelation of different edges of otherness of human existence from the point of view of gynocentrism concept. As a base of the given concept the work by Simone de Beauvoir “Le Deuxième Sexe” is considered. According to the described by S. de Beauvoir theory four stages of accepting responsibility necessary for obtaining human identity are singled out – the same stages are overcome by the character of the novel “Die Wand”. As a result it became possible to reveal female robinsonade – (anti)utopia from the point of view of ontology and prove the general human problematic of the work written by a woman. It is stated that “Die Wand” by Marlene Haushofer does not only reflect an attempt of formation of existence in the conditions of full isolation from the society but also shows critical state of relation of I-Another in postwar world.

Keywords: gynocentric literature, Another, search of identity, existential novel.

Проблема Другого, понимания и диалога существовала всегда, однако как философский концепт Другой стал рассматриваться лишь в XX в. (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.). Проблемное поле Другого находится в фокусе внимания герменевтики (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр), феноменологии (Г.-В.-Ф. Гегель, Э. Гуссерль) и философии экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар), устойчиво связано с вопросами бытия отдельного человека. Во второй половине XX в. интерес к человеческому бытию обретает плюралистическую направленность, в фокусе внимания появляется бытие представителя неевропейской расы или женского пола, что также находит свое отражение в художественной литературе и, соответственно, в литературоведческих исследованиях. Тем не менее, акцентирование онтологической проблемы Другого в литературоведческом ключе началось сравнительно недавно и эта тема еще недостаточно разработана на литературном материале. В данной статье под голосом Другого мы прежде всего будем подразумевать литературу, делающую акцент на вопросах бытия женщины, и сосредоточим внимание на романе австрийской писательницы второй половины XX в. Марлен Хаусхофер «Стена», рассмотрев, как в нем раскрываются различные грани другости человеческого бытия с точки зрения концепции гиноцентризма.

Подъем феминистского движения очень сильно отразился на литературе второй половины XX в. Проблемы самосознания женщины, поиски иден-

тичности и попытки разобраться в отношении Я–Другой, где женщине традиционно отводится второе место, нашли свое отражение в произведениях многих авторов, в том числе и авторов-мужчин. А. Э. Воронникова, пытаясь разобраться в том, что же такое «женская литература», вводит в литературоведческий дискурс понятие гиноцентризма, под которым определяется «идейно-эстетический принцип воссоздания и осмысления бытийной диалектики, реализующийся через обращение к центральному в художественной системе произведения образу женщины» [1, с. 4]. В своей работе мы будем придерживаться данной трактовки этого понятия, так как оно позволяет разрешить принципиальный вопрос, касающийся произведений, центрирующихся на женских образах и одновременно написанных женщинами. А именно вопрос о «женском письме», активно разрабатываемым феминистками «второй волны» (Ю. Кристева, Л. Иригарей, Э. Сиксу), подразумевающим под собой идею того, что женщинам присущ особый стиль письма, отличный от традиционной мужской культуры. Такой подход, к сожалению, показал свою несостоятельность, так как еще сильнее акцентировал другость и без того маргинализованной культуры, создаваемой женщинами, вследствие чего литература, написанная женщинами, не воспринималась как что-то серьезное, достойное стать на одну планку с лучшими образцами традиционной мужской литературы. Принцип гиноцентризма же позволяет избежать данных

искажений смысла, так как утверждает единство «эстетических координат» для представителей обоих полов и, более того, делает акцент на вопросах бытия женщины. Исследованием и разработкой данного принципа в литературоведении кроме А. Э. Воротниковой занимаются П. Д. Ивлиева, Л. Г. Бережная, И. Л. Поражинская.

Основой концепции гиноцентризма во многом стала работа Симоны де Бовуар «Второй пол», в которой онтологические проблемы рассматриваются через призму женского опыта, проблематизируется дружба самого субъекта. Философ выявляет проблему, стоящую перед человеком, делом которой стал женский пол: *«Женщина определяет себя и свою особость относительно мужчины, а не мужчина относительно женщины; она – не-сущностное в сравнении с сущностным. Он – Субъект, он – Абсолют, она – Другой»* [2, с. 11].

Симона де Бовуар приходит к выводу, что поработанность женского бытия посредством мистификации ее положения как Другого, длившегося тысячелетиями, обрекает женщину на исключительную имманентность. Лишенная трансцендентности женщина, по мнению философа, могла проявить свое бытие только в трех модусах: в нарциссизме, любви или религии. В каждом из них женщина оставалась объектом.

Выход из данного положения Симона де Бовуар видит в принятии женщиной на себя ответственности, отказе от навязанной имманентности. Именно в бытийной несвободе философ видит невозможность женщин проявить себя в сферах созидания, таких как живопись, литература, философия, то есть сферах, куда до относительно недавнего времени женщины не допускались вовсе. Симона де Бовуар утверждает, что именно ситуация женщины становится пределами ее личностного развития, а не некие таинственные особенности, приписываемые ее полу.

Проблема дружбы, вторичности, имманентности женского бытия даже для самой женщины так или иначе затрагивается в произведениях самых ярких представительниц австрийской литературы послевоенного периода. Активное развитие гиноцентрической литературы в Австрии приходится на 1970-е гг., в качестве самых ярких примеров можно назвать произведения Ингеборг Бахман (Ingeborg Bachmann) и Эльфриды Елинек (Elfriede Jelinek). Некоторые аспекты их творчества, затрагивающие проблему женского бытия и его дружбы, отражены в работе Е. В. Соколовой «Взаимосвязь «пола» и «языка» в творчестве Ингеборг Бахман и Эльфриды Елинек» [3]. В белорусском литературоведении концепция гиноцентризма практически не разработана, однако творчество австрийских авторов-женщин рассмотрено, например в работах О. Ч. Гурло «Хранатоп прозы Ингеборг Бахман» [4] и Т. Г. Баричевской «Экспериментальныя тэндэнцыі ў драматургіі Аўстрыі другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзяў (у параўнанні з драматургіяй Беларусі)» [5].

Творчество самой Марлен Хаусхофер практически не изучено в белорусском и русском литературоведении. Отдельные упоминания о ней встречаются в названной выше книге Е. В. Соколовой [3], а также в совместной работе С. В. Серебряковой и А. А. Донцовой, затрагивающей, однако, преимущественно лингвистические аспекты [6].

В немецкоязычном литературоведении происходят попытки все-таки вписать имя Марлен Хаусхофер в контекст послевоенной литературы. Например, Регула Венске рассматривает роман «Стена» как утопию [7], Джина Кайзер – как робинзонаду [8]. Лотта Подгорник и Даниэлла Штригл подходят к «Стене» в первую очередь как к экзистенциальному роману [9; 10]. Однако полноценного анализа романа Марлен Хаусхофер в контексте послевоенной австрийской гиноцентрической литературы не существует.

В то же время творчество Марлен Хаусхофер (Marlen Haushofer, 1920) можно рассматривать в качестве предтечи понимания австрийской литературой голоса Другого как женского голоса. Писательница родилась в небольшом местечке в верхней Австрии, детство провела в лесничестве, где работал ее отец. Леса и горы, атмосфера этой местности оказала на нее большое влияние, не зря именно ее она вписывает в пространство своего главного романа. Будущая писательница окончила гимназию и Венский университет, вступила в брак. Первая повесть Марлен Хаусхофер «Пятый год» была встречена тепло и принесла ей Австрийскую государственную премию в 1953 г. Среди дальнейших публикаций есть несколько романов, рассказы и детские книги. Самая же удачная книга Марлен Хаусхофер (как по мнению критиков, так и по мнению самой писательницы), роман «Стена», была воспринята холодно и получила признание уже после смерти автора. Последние годы своей жизни Марлен Хаусхофер страдала от рака костей, который и стал причиной ее преждевременной смерти на пятидесятом году жизни.

Запоздалое внимание к творчеству М. Хаусхофер можно объяснить судьбой литературных произведений, которые не получили признания при жизни автора. Тексты скромной домохозяйки, какой воспринималась Марлен Хаусхофер, были открыты заново лишь спустя десять лет после ее смерти. Ее произведения – первые попытки в австрийской женской литературе акцентировать внимание на онтологических проблемах – не были замечены и оценены из-за положения женщины в обществе того времени, у романа «Стена» просто не было возможности обрести успех в условиях литературной и культурной изоляции, зато в 1980-х гг. книга обретает популярность, чему способствует интерес к женскому движению, угроза ядерной войны и обостренное внимание к экологическим проблемам.

Все происходящее в экзистенциальном романе «Стена» можно назвать своеобразным

экспериментом, в результате которого, практикуя различное отношение к Другому, главная героиня выстраивает собственную идентичность заново. Через конфликт и диалог безымянная женщина, оказавшаяся в условиях постапокалипсиса в полной изоляции в австрийских горах, пытается найти свое место в мире, свободном от социального давления. Новые заботы, обязанности и новая ответственность становятся и новой свободой для бытия одинокого человека.

Оказавшись отрезанной от всего остального мира невидимой прозрачной стеной, героиня, ощущая себя последним человеком на земле, впервые полностью принимает на себя ответственность за свое существование, затем приходит ответственность за ближних, в данном случае животных, и, наконец, принятие ответственности за справедливость и несправедливость своих поступков по отношению к тем, кто слабее. Чувствуя свою силу благодаря своему сознанию и не в последнюю очередь винтовке в руках, героиня приходит к следующей мысли: «*Das einzige Wesen im Wald, das wirklich recht oder unrecht tun kann, bin ich. Und nur ich kann Gnade üben. Manchmal wünsche ich mir, diese Last der Entscheidung liege nicht auf mir. Aber ich bin ein Mensch, und ich kann nur denken und handeln wie ein Mensch. Davon wird mich erst der Tod befreien*» [11, с. 128], – «*Единственное существо в лесу, которое на самом деле может поступать справедливо или несправедливо, – это я. И милосердной могу быть только я. Иногда мечтаю, чтобы бремя решения лежало на ком-нибудь другом. Но я человек, и думать, и поступать могу только как человек. Меня освободит одна смерть*» [12, с. 128].

Эта необходимость решения здесь распространяется только на животных. Для обыденного сознания совершенно по-другому дело обстоит, когда речь идет о человеке. Какими бы они ни были, они все еще чужие, непонятные, их можно отождествить с собой только до определенного предела.

Сложнее же всего принять на себя ответственность за жизнь и смерть человека. Так, вынося смертный приговор, который будет приведен в исполнение кем-то другим, или молча соглашаясь с тем, что убийца достоин смертной казни, человек прячется за сознанием палача, как и палач, чувствуя себя инструментом правосудия, не чувствует себя вполне убийцей. Но что делать, если не осталось ни правосудия, ни палачей, а есть только ты и убийца? И героиня берет на себя и эту ответственность, не теряя при этом человечности, не превращаясь в чудовище. Безжалостный убийца, сумасшедший, разрушивший относительно мирное течение жизни героини и ее новой семьи, незнаком женщине, но уже первыми своими действиями он показал свою сущность. Экзистенциальная концепция подразумевает ответственность человека перед другими людьми за свой выбор, так как каждым таким выбором раз за разом он формирует челове-

ка вообще. Так и здесь, это убийство не просто месть за друга (внезапно появившийся человек топором убивает нескольких животных), это отказ безмолвно сносить насилие сильных: «*Ich bin sogar geneigt, ihn zu bedauern, weil er so beschaffen war, aber ich würde immer wieder versuchen, ihn auszumerzen, weil ich nicht dulden könnte, daß ein so beschaffenes Wesen weiterhin morden und zerstören kann. <...> ich muß mich gegen sie zur Wehr setzen, ich persönlich. Es gibt ja keinen Menschen mehr, der mich beschützt oder der für mich arbeitet, damit ich mich ungestört meinen Gedanken hingeben kann*» [11, с. 162], – «*Я могла бы его за это даже и пожалеть, но все равно стремилась бы истребить его: нельзя же допустить, чтобы такое существо и далее могло убивать и разрушать. <...> должна дать им отпор, лично я. Ведь нет больше тех, кто мог бы защитить меня или на меня работать, чтобы я могла без помех предаваться размышлениям*» [12, с. 163–164].

Несмотря на условность ситуации, развитие героини происходит не в полном ее одиночестве, а все же во взаимодействии с Другим, однако, что важно не безликим Другим, представляющим собой усредненный социум, а конкретным Другим, не подавляющим самость героини. Здесь эту роль играют животные. Героиня пишет в своем дневнике: «*Nur ist es eben viel leichter, Bella oder die Katze zu lieben, als einen Menschen*» [11, с. 124], – «*Разве что Беллу и Кошку любить гораздо легче, чем человека*» [12, с. 125]. И это вполне объяснимо. Животные – Другие для человека, при этом им не свойственна онтологическая конфликтность по отношению к нему (человеку).

В какой-то момент взаимопонимание человека и животного достигает той степени гармонии, которую, к сожалению, героиня не может представить себе между человеком и человеком в условиях послевоенного технократического мира: «*In jenem Sommer vergaß ich ganz, daß Luchs ein Hund war und ich ein Mensch. Ich wußte es, aber es hatte sich verändert. <...> Jetzt endlich herrschte zwischen uns ein stillschweigendes Verstehen*» [11, с. 265], – «*Тем летом я совсем забыла, что Лукс – собака, а я – человек. То есть знала, но это потеряло всякое значение. <...> Между нами теперь наконец воцарилось молчаливое взаимопонимание*» [12, с. 267–268].

Утопичность такой гармонии между человеком и человеком подтверждает и последнее трагическое событие романа: череда внезапных убийств, вызванных появлением человека. Несмотря на онтологическое одиночество и тяготы жизни без возможности какой-либо помощи со стороны, героиня все-таки отказывается строить диалог с чудовищем в личине человека. Возможно, это символ того, что человечество еще не готово, чтобы стена между людьми могла быть преодолена.

Таким образом, в соответствии с описанной Симоной де Бовуар необходимостью принятия на себя ответственности, довольно условно можно

вычлениць чатыры этапы, якія неабходна для гэтага прайсці: прыняцце адказнасці за сваё існаванне, прыняцце адказнасці за жыццё і бяспечнасць блізкіх, прыняцце адказнасці за справядлівасць і несправядлівасць сваіх паступкаў па адношэнню да больш слабых, прыняцце адказнасці за справядлівасць і несправядлівасць паступкаў па адношэнню да такіх жа сабе і здольнасць адстаіваць свае інтарэсы перад тымі, хто моцней. Прайдзя гэтыя этапы, героіня дасягае ўзрвання свабоды і адказнасці, немагчымай для еўрапейскай жанчыны таго часу. Кожны новы ўзровень осознання сваіх магчымасцей і абмежаванняў, сваіх свабод і абяза-

тальстваў перад сабой як перад чалавекам ізганяе з героіні Другога, робіць яе сама суб'ектам, вызваляе ад ловушкі імманентнасці. І гэта дазваляе ёй ўбачыць і осознаць сябе як чалавека ў свеце, выйсці за межы праблем, якія датычаюцца яе адной. Размышляючы аб сабе і сваіх паступках, яна разважае аб чалавеку ў цэлым, аб сэнсе яго існавання, аб прывнесеным ім у свет змяненнях.

Гісторыя абрываецца на моманце канчатковага прыняцця на сябе адказнасці, так як не мае значэння, выжыве героіня ці не, сустрэціць людзей ці застанецца ўдаль ад сацыяла да канца сваіх дзён: што б ні адбылося далей, яна ўжо воссоздала сваю ідэнтычнасць.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воротникова, А. Э.* Гиноцентрические романы Германии и Австрии 1970–1980-х гг. : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 09.00.13 / А. Э. Воротникова ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 38 с.
2. *Бовуар, С. де* Второй пол / С. де Бовуар; пер. с фр. – СПб., 2017. – 928 с.
3. *Соколова, Е. В.* Взаимосвязь «пола» и «языка» в творчестве Ингеборг Бахман и Эльфриды Елинек: Аналит. обзор / Е. В. Соколова. – М., 2012. – 130 с.
4. *Гурло, В. Ч.* Хранатоп прозы Ингеборг Бахман : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.03 / В. Ч. Гурло; БДУ. – Мінск, 2004. – 21 с.
5. *Барычэўская, Т. Г.* Эксперыментальныя тэндэнцыі ў драматургіі Аўстрыі другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзяў (у параўнанні з драматургіяй Беларусі) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.03 / Т. Г. Барычэўская; БДУ. – Мінск, 2016. – 26 с.
6. *Серебрякова, С. В.* Личностно-оценочный модус как маркер психологического повествования / С. В. Серебрякова, А. А. Донцова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 2. – С. 253–258.
7. *Venske, R.* «Dieses eine Ziel werde ich erreichen ...» – Tod und Utopie bei Marlen Haushofer / R. Venske // Weiblichkeit und Tod in der Literatur ; ed.: R. Berger, I. Stephan. – Köln, Wien 1987. – S.199–214.
8. *Keiser, G.* «Jedes Ende ist auch ein neuer Anfang» : Arno Schmidts «Schwarze Spiegel», Marlen Haushofers «Die Wand», Herbert Rosendorfers «Großes Solo für Anton» und ein Konzept der postapokalyptischen Robinsonade im 20. Jahrhundert: Dissertation / G. Keiser. – München, 2011. – 399 s.
9. *Podgornik, L.* Erinnern und Überleben. Spaltung als weibliche Existenzform bei Marlen Haushofer (1920–1970) / L. Podgornik // Österreichische Dichterinnen / ed.: E. Reichardt. – Salzburg, Wien 1993. S. 51–76.
10. *Strigl, D.* Vertreibung aus dem Paradies. Marlen Haushofers Existentialismus / D. Strigl // «Eine geheime Schrift aus diesem Splitterwerk enträtseln...». Marlen Haushofers Werk im Kontext / ed.: A. Bosse, C. Ruthner. – Basel, Tübingen, 2000. – S.121–136.
11. *Haushofer, M.* Die Wand / M. Haushofer. – Berlin, 2013. – 288 с.
12. *Хаусхофер, М.* Стена / М. Хаусхофер. – СПб., 1994. – 288 с.

REFERENCES

1. *Vorotnikova, A. E.* Ginocentriczeskie romany Germanii i Avstrii 1970–1980-h gg. : avtoref. dis. ... kand. fil. nauk : 09.00.13 / A. E. Vorotnikova ; Voronezhskij gos. un-t. – Voronezh, 2008. – 38 s.
2. *Bovuar, S. de* Vtoroj pol / S. de Bovuar; per. s fr. – SPb., 2017. – 928 s.
3. *Sokolova, E. V.* Vzaimosvyaz' «pola» i «yazyka» v tvorchestve Ingeborg Bahman i El'fridy Elinek: Analit. obzor / E. V. Sokolova. – M., 2012. – 130 s.
4. *Gurlo, V. Ch.* Hranatop prozy Ingeborg Bahman : aŭtaref. dys. ... kand. filal. navuk : 10.01.03 / V. Ch. Gurlo; BDU. – Minsk, 2004. – 21 s.
5. *Barychewskaya, T. G.* Eksperymental'nyya tendencyi w dramaturgii Awstryi drugoj palovy XX – pachatku XXI stagoddzyaw (u parawnanni z dramaturgiyaj Belarusi) : awtaref. dys. ... kand. filal. navuk : 10.01.03 / T. G. Barychewskaya; BDU. – Minsk, 2016. – 26 s.
6. *Serebryakova, S. V.* Lichnostno-ocenochnyj modus kak marker psihologicheskogo povestvovaniya / S. V. Serebryakova, A. A. Doncova // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2016. – № 2. – S. 253–258.
7. *Venske, R.* «Dieses eine Ziel werde ich erreichen ...» – Tod und Utopie bei Marlen Haushofer / R. Venske // Weiblichkeit und Tod in der Literatur ; ed.: R. Berger, I. Stephan. – Köln, Wien 1987. – S.199–214.
8. *Keiser, G.* «Jedes Ende ist auch ein neuer Anfang» : Arno Schmidts «Schwarze Spiegel», Marlen Haushofers «Die Wand», Herbert Rosendorfers «Großes Solo für Anton» und ein Konzept der postapokalyptischen Robinsonade im 20. Jahrhundert: Dissertation / G. Keiser. – München, 2011. – 399 s.
9. *Podgornik, L.* Erinnern und Überleben. Spaltung als weibliche Existenzform bei Marlen Haushofer (1920–1970) / L. Podgornik // Österreichische Dichterinnen / ed.: E. Reichardt. – Salzburg, Wien 1993. S. 51–76.
10. *Strigl, D.* Vertreibung aus dem Paradies. Marlen Haushofers Existentialismus / D. Strigl // «Eine geheime Schrift aus diesem Splitterwerk enträtseln...». Marlen Haushofers Werk im Kontext / ed.: A. Bosse, C. Ruthner. – Basel, Tübingen, 2000. – S.121–136.
11. *Haushofer, M.* Die Wand / M. Haushofer. – Berlin, 2013. – 288 с.
12. *Haushofer, M.* Stena / M. Haushofer. – SPb., 1994. – 288 s.